

ПОТЕНЦИАЛ МЯГКОЙ СИЛЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ ВО ВЗАИМНОМ СБЛИЖЕНИИ ЖИТЕЛЕЙ ГОСУДАРСТВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И РОССИЯН*

Франц Валерия Андреевна,

Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина,
доцент кафедры интегрированных маркетинговых коммуникаций
и брендинга ШГУиП,
кандидат политических наук,
Екатеринбург, Россия,
ORCID: 0000-0002-3730-445X,
E-mail: val-franc@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 05.05.2020, принята к публикации 13.08.2020

Для цитирования: Франц В.А. Потенциал мягкой силы исторической памяти во взаимном сближении жителей государств Центральной Азии и россиян // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2020. № 3 (40). С. 54–73. doi: 10.24411/1817-9568-2020-10304

Аннотация

Общая историческая память и политика памяти рассматриваются в статье как источник мягкой силы России в государствах Центральной Азии. Основной целью статьи является определение потенциала исторической памяти как ресурса мягкой силы во взаимном сближении россиян и жителей Центрально-Азиатского региона. В рамках статьи акцент делается на рассмотрении взаимоотношений России с Казахстаном, Киргизией, Узбекистаном, Таджикистаном и Туркменистаном.

Авторы рассматривают мягкую силу России в контексте т.н. реалистической парадигмы soft power, базирующейся на постулате о том, что государства, особенно глобальные и региональные державы, стремятся увеличить свою привлекательность

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00471

не сами по себе, а по отношению к привлекательности своих конкурентов. Иными словами, они вступают в геополитическое соперничество, пытаются максимизировать свои сравнительные преимущества. Таким образом, мягкая сила России в Центральной Азии и политика памяти как ее элемент изучаются в сравнении с мягкой силой основных стран-конкурентов в данном регионе.

В целом, мягкая сила стран, конкурирующих за влияние в регионе, анализируется с использованием агрегированной аналитической модели странового кейс-анализа А. Паталаха. Такой анализ предполагает учет наиболее значимых внутренних факторов, влияющих на общее восприятие стратегии мягкой силы страной или регионом-реципиентом (этнический состав, язык и религия, взаимоотношение элит взаимодействующих государств и др.), а также ряда факторов в рамках международных отношений государств. Страновой кейс-анализ по Паталаху осуществляется автором с целью освещения контекста формирования общей для жителей Центрально-Азиатских государств и их государств-партнеров исторической памяти, а также целенаправленно реализуемых государственных политик памяти.

В результате исследования выявляются наиболее сильные государства – конкуренты России в области исторической памяти и политики памяти в Центрально-Азиатском регионе, определяется характер политики памяти, реализуемой государственной властью стран Центральной Азии в отношении советского и досоветского прошлого, даются рекомендации относительно способов формирования положительной общей исторической памяти россиян и жителей стран Центральной Азии, обладающей потенциалом взаимного сближения.

Ключевые слова:

soft power, мягкая сила, историческая память, политика памяти, международная конкуренция, страновой кейс-анализ, евразийская интеграция, Центральная Азия.

UDC 32.019.51, 327.8

DOI: 10.24411/1817-9568-2020-10304

THE POTENTIAL OF SOFT POWER OF HISTORICAL MEMORY IN THE MUTUAL RAPPROCHEMENT OF RESIDENTS OF THE CENTRAL ASIAN COUNTRIES AND RUSSIANS

Frants Valeria Andreevna,

Ural Federal University
named after the first President of Russia B. N. Yeltsin,
Associate Professor of the Department of integrated marketing communications
and branding of SPAE in EM,
PhD in Political Sciences,
ORCID: 0000-0002-3730-445X,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: val-franc@yandex.ru

Article received on May 5, 2020, accepted on August 13, 2020

To cite this article: Frants V.A. (2020). Potencial myagkoj sily istoricheskoy pamyati vo vzaimnom sblizhenii zhitelej gosudarstv Central'noj Azii i rossiyan [The potential of soft power of historical memory in the mutual rapprochement of residents of the Central Asian countries and Russians]. *Scientific Journal "Discourse-P"*, 3(40), 54-73. doi: 10.24411/1817-9568-2020-10304

Abstract

Historical memory and memory policy are considered in the article an element of Russia's soft power in the Central Asian States. The main purpose of the article is to determine the potential of historical memory as a source of soft power in the mutual rapprochement of Russians and residents of the Central Asian region. The article focuses on the relationship between Russia and Kazakhstan, Kyrgyzstan, Uzbekistan, Tajikistan and Turkmenistan.

The author considers Russia's soft power in the context of the so-called «realistic soft power paradigm», based on the postulate that States, especially global and regional powers, seek to increase their attractiveness taking into account the attractiveness of their competitors. In other words, they enter into a geopolitical rivalry, trying to maximize their comparative advantages. Thus, Russia's soft power in Central Asia and memory policy as its element are studied in comparison with the soft power of the main competing countries in this region.

In general, the soft power of countries competing for influence in the region is analyzed using the Aggregative Analytical Model for Country-Focused Case Study Research by A. Patalakh. This analysis assumes taking into account the most significant internal factors that affect the overall perception of the soft power strategy by the recipient country or region (ethnicity, language and religion, the relationship of the elites of the interacting states, etc.), as well as a number of factors within the framework of international relations of states. The authors carry out a Country-Focused Case Study by Patalakh in order to highlight the context of the formation of a common historical memory for the residents of the Central Asian States and their partner states, as well as purposefully implemented state memory policies.

The study identifies the most powerful competitor states of Russia in the field of historical memory and memory policy in the Central Asian region, determines the nature of the memory policy implemented by the state authorities of the Central Asian countries in relation to the Soviet and pre-Soviet past, and provides recommendations on ways to form a positive common historical memory of Russians and residents of the Central Asian countries, which has the potential for mutual rapprochement.

Keywords:

soft power, historical memory, memory policy, international competition, Country-Focused Case Study, Eurasian integration, Central Asia.

Введение

Центральная Азия представляет собой привлекательный для России регион в контексте построения ЕАЭС. Наша страна заинтересована в углублении экономических, политических и культурных связей с государствами данного региона, а также в трудовой и образовательной миграции в Россию их граждан. В свете высокой плотности и «молодости» населения стран Центральной Азии, а также специфики их социально-экономического развития можно утверждать, что страны Центральной Азии обладают высоким миграционным потенциалом.

Вместе с тем, согласно исследованиям, с момента возникновения ЕАЭС доверие россиян и граждан государств Центральной Азии к данному институту существенно упало, а разница между оптимистической и пессимистической оценкой результатов евразийской интеграции к настоящему времени снизилась почти в 4 раза (подробнее см. Осадчая, 2019, с. 101). При этом наблюдается нарастание «автономистских настроений» среди молодежи. В молодежной среде меньше по сравнению с более старшими возрастными группами доля тех, кто поддерживает евразийский интеграционный проект, почти 40 % тех, кто относится к нему безразлично или отрицательно (подробнее см. Осадчая, 2019, с. 100).

С нашей точки зрения, одной из значимых причин снижения поддержки интеграционных процессов в ЕАЭС, а также положительного восприятия России является постепенное исчезновение представителей поколений, проживших большую часть жизни в СССР. Общее же прошлое постсоветского пространства не имеет такого существенного положительного влияния на взаимное восприятие россиян и граждан государств ЕАЭС и их отношение к евразийской интеграции.

Однако вызывает интерес, какую роль остатки общей исторической памяти постсоветского периода, СССР и даже дореволюционной России до сих пор играют роль во взаимном сближении России и государств Центральной Азии, могут ли они лечь в основу новой общей евразийской идентичности.

Таким образом, основной целью статьи является определение потенциала исторической памяти как ресурса мягкой силы во взаимном сближении россиян и жителей Центральной Азии. Здесь стоит подчеркнуть, что мы делаем акцент на изучении таких государств Центральной Азии, как Казахстан, Киргизия, Узбекистан, Таджикистан, Туркменистан.

Историческую память и политику памяти мы рассматриваем как элемент *soft power*, или мягкой силы, государства. При этом методологически мы опираемся на классификацию элементов мягкой силы, сформированную в рамках одного из наиболее популярных в настоящее время рейтингов мягкой силы – отчета «Soft Power 30: A Global Ranking of Soft Power», ежегодно составляемого агентством «Portland» (McClory, 2019, p. 11). Среди значимых элементов мягкой силы государства в данном рейтинге выделяются такие компоненты, как государственное управление, дипломатия, бизнес, инновации, культура, цифровизация, внешняя политика, качество жизни и т. д. Политика памяти может рассматриваться в рамках категории «культура».

Мягкую силу мы трактуем в духе Дж. Ная как способность получать желаемое посредством притяжения, а не принуждения или платежей (Nye, 2004, p. 10). Кроме того, в рамках этой статьи мы намерены рассматривать мягкую

силу России в контексте т. н. реалистической парадигмы *soft power*. Данная парадигма базируется на постулате о том, что государства, особенно глобальные и региональные державы, стремятся увеличить свою привлекательность не саму по себе, а по отношению к привлекательности своих конкурентов. Иными словами, они вступают в геополитическое соперничество, пытаясь максимизировать свои сравнительные преимущества. В академическом сообществе данной точки зрения придерживаются Е. Локк (Lock, 2009), У. Вьяс (Vyas, 2011), А. Паталах (Patalakh, 2016) и др. Таким образом, мы анализируем мягкую силу России и политику памяти как ее элемент в Центральной Азии в сравнении с мягкой силой основных стран-конкурентов в данном регионе.

Придерживаясь данной парадигмы, мы опираемся на агрегированную аналитическую модель странового кейс-анализа (Aggregative Analytical Model for Country-Focused Case Study Research), разработанную А. Паталахом. Данная модель, наряду со странами-конкурентами, включает в себя страну, применяющую мягкую силу (the «applicant») и страну-реципиента (the «recipient»). При этом представляющаяся на первый взгляд совершенно очевидной идея страны-реципиента очень важна, поскольку ее особенности во многом влияют на выбор страной-актором стратегии и ресурсов «мягкого» влияния.

Кроме того, в модели А. Паталаха представлен перечень факторов, влияющих на общее восприятие стратегии мягкой силы страной или регионом-реципиентом: этнический, языковой и религиозный состав страны-реципиента, ее политический режим, двусторонние отношения между актором и реципиентом в прошлом, а также другие социальные и культурные факторы. Важное место в этом перечне занимает взаимоотношение элит обоих государств. При анализе же конкурирующих за влияние в регионе стран-акторов необходимо обращать внимание на следующие факторы: 1) географическая близость (чем ближе страна-конкурент к реципиенту, тем больший вес должен придаваться ей при анализе); 2) наличие влиятельной группы, которая поддерживает страну-актора внутри страны-реципиента; 3) наличие ситуации жесткого выбора между несколькими странами-конкурентами (Patalakh, 2016, pp. 100–101).

Рассмотрев «мягкое влияние» конкурирующих в данном регионе стран в целом, нам легче будет перейти к следующему шагу – определению роли политики памяти и, в частности, исторической в реализации такого влияния.

Термин «историческая память» вызывает неоднозначные оценки, а зачастую и критику научного сообщества. Ряд исследователей полагает, что в рамках изучения данной тематики более адекватным является понятие «социальная память» в силу социального характера данного явления. Социальную память принято рассматривать как социальный институт, а также как общее понятие, объединяющее различные формы памяти – начиная от биографических воспоминаний и заканчивая сконструированными культурными символическими системами (подробнее см. Коротецкая, 2018, с. 45).

Также, подчеркивая социальный характер такого рода памяти, основоположник исследований памяти Морис Хальбвакс использовал иной термин – коллективная память (Gensburger, 2016). «Коллективная память», с точки зрения исследователя, представляет собой память, формирующуюся в социокультурной среде средствами коммуникации и социальными институтами. Следующим шагом стало понятийное разделение Яном Ассманом коллективной памяти

на культурную и коммуникативную память. Концепт культурной памяти уже предполагал наличие связи между культурным воспоминанием, основанием коллективной идентичности и политической легитимацией (подробнее см. Ассман, 2004). В данном контексте концепт отражает активный и целеполагающий политической характер культурной памяти и выводит нас на понятие «политики памяти». Так, согласно Бернхарду и Кубику, «вспоминание прошлого, особенно коллективное – это всегда политический процесс» (Bernhard & Kubik, 2014, p. 3). При этом коммеморация всегда представляет собой процесс отбора того, что подлежит воспоминанию и забвению.

Современные исследования подчеркивают две стороны исторической политики или политики памяти: актуализация прошлого как условие, которое необходимо для оформления и стабилизации политического действия, с одной стороны, и инструментализация истории для политических целей сегодняшнего дня, с другой стороны. В самом общем смысле политику памяти можно определить как «всю сферу публичных государственных стратегий в отношении способов запечатления прошлого в массовом сознании, совокупность различных практик и норм, связанных с регулированием коллективной памяти» (Русакова, Кочнева, 2015, с. 18).

Необходимо отметить, что анализируя конкуренцию стран за влияние в том или ином регионе, очень важно понимать расстановку политических сил в странах-реципиентах мягкой силы, что и подчеркивает А. Паталах в своей модели. Аналогичной точки зрения придерживается и ряд других исследователей. Так, относительно постсоветского пространства Х. Вэлш отмечает значимость фактора смены элит и расстановки политических сил в начале процесса демократизации и на всем его протяжении. При этом когда сторонники старого режима эволюционируют и остаются влиятельной политической силой, отношение к прошлому режиму может выступать в качестве инструмента борьбы за власть (подробнее см. Welsh, 1996).

Результаты исследования

Прежде чем перейти к анализу потенциала мягкой силы общей исторической памяти центрально-азиатских государств и стран, конкурирующих за влияние в данном регионе, мы проанализировали их взаимодействие по модели А. Паталаха. Согласно данным Российского совета по международным делам (РСМД), наиболее высокую активность в центрально-азиатском регионе, помимо России, демонстрируют Китай, Турция, Южная Корея, Япония (подробнее см. Алексеевская, 2017). Также традиционно активны Европейский Союз и США. Тот факт, что все центрально-азиатские государства с недавних пор придерживаются концепции «многовекторного развития» во взаимодействии с другими странами, дополнительно повышает уровень конкуренции в данном регионе.

Что касается Японии, государство ограничивает сотрудничество со странами Центральной Азии четко определенными областями и прикладными проектами, направленными на решение проблем региона, не преследуя каких-либо политических целей. Япония делает акцент на развитие инфраструктуры и социальной сферы, особенно в сельских районах. Наибольший интерес для

нее представляют Киргизия, Узбекистан, Туркменистан. При этом необходимо подчеркнуть, что статус Токио повысился в последние годы до уровня ключевого стратегического партнёра Казахстана, каковыми до этого были только Москва и Пекин. Кроме того, Япония является единственной страной, оказывающей безвозмездную многомиллиардную финансовую помощь постсоветским странам Центральной Азии. Возникший еще в 2003 году формат сотрудничества «Япония плюс Центральная Азия» можно рассматривать как попытку создания противовеса ШОС. Тем не менее, на данный момент влияния Японии в регионе недостаточно для формирования новой международной организации. Что касается составляющих мягкой силы Японии, то в числе активных можно назвать только т.н. «Enterprise», т.е. бизнес-организации, работающие в Центральной Азии. Иные компоненты, такие как культура, образование или привлекательные политические ценности, существенного влияния не имеют.

Укрепление позиций Южной Кореи в центрально-азиатском регионе напрямую связано с перспективами евразийской интеграции. Как и в случае ЕАЭС, интеграционные инициативы Южной Кореи в рамках ЭПШП направлены на экономико-политическое структурирование сопредельного регионального пространства вокруг собственного ядра. Ключевую роль в стратегии Южной Кореи в регионе играет Узбекистан. Также значимое место в центрально-азиатском направлении внешней политики страны занимает Казахстан. В качестве действенных компонентов мягкой силы можно, как и в случае Японии, назвать, в первую очередь, бизнес («Enterprise»). Также определенную роль играют образование и современная культура страны.

Для Китая государства Центральной Азии представляют интерес, в первую очередь, как источник энергоресурсов, рынки сбыта для производимой в Китае продукции, «транзитные коридоры» в Европу. При этом необходимо подчеркнуть, что за последние 10 лет Китай превратился в одного из основных торговых партнеров и инвесторов для стран Центральной Азии. Помимо чисто экономического влияния, Китай осуществляет активные попытки формирования лояльности политических элит центрально-азиатских стран. Для этого у страны, однако, пока недостаточно возможностей – на этом подробно мы остановимся чуть ниже. В контексте политики мягкой силы Китай успешно реализует в последние годы масштабную целенаправленную политику привлечения в китайские вузы молодежи из данного региона. В частности, власти Китая в настоящее время рассматривают возможность превращения Синьцзяна в ориентированную на Центральную Азию образовательную зону. Также в Центральной Азии активную работу ведет Институт Конфуция, одной из важнейших задач которого является снижение уровня настороженности относительно роста китайского влияния в регионе и в мире. Необходимо учитывать также, что Китай и страны Центральной Азии связаны друг с другом транснациональными культурными связями таких этносов, как уйгуры, узбеки, казахи, таджики и др.

Каждый год в Китай по линии Институтов Конфуция отправляется более сотни одаренных студентов из центрально-азиатских государств. По линии ШОС также идет финансирование дополнительных программ. В результате десятки тысяч среднеазиатских студентов вовлекаются в изучение китайского языка и культуры Китая. «Силу мысли» Китая обеспечивают динамично развивающиеся многочисленные think tanks – китайские «фабрики мысли», такие

как Академия общественных наук КНР, Китайская академия современных международных отношений и др. Китайские «фабрики мысли» призваны пропагандировать «китайскую модель развития», особенно в развивающихся странах, по аналогии с тем, как это делают крупнейшие аналитические центры США.

В последние годы Турция несколько «охладела» к центрально-азиатскому региону в пользу более актуального ближневосточного направления, что выражается в сокращении взаимодействия Турции со странами Центральной Азии в политической сфере. Не в последнюю очередь это происходит в связи с нежеланием Турции сотрудничать со странами региона по вопросам региональной безопасности в рамках афганского конфликта. В настоящий момент внимание страны сосредоточено преимущественно на Казахстане и Туркменистане, где Турция планирует реализацию ряда экономических и энергетических проектов. В Киргизии Турция стремится расширить национальное и культурное влияние, в первую очередь через сферу образования (университеты Манас и Ала Тоо). В данном контексте культурному сближению будет способствовать переход Узбекистана, Туркменистана и Казахстана (для последнего запланирован на период до 2025 года) с кириллицы на латиницу. Большой потенциал культурного сближения с государствами Центральной Азии Турция, как и ряду других игроков (Саудовская Аравия, Катар, Иран, Пакистан), обеспечивает ислам, о чем более подробно будет сказано ниже.

США преследует в Центральной Азии главным образом экономические цели, а также развивает сотрудничество в области борьбы с радикализмом и экстремизмом. В ближайшем будущем активность страны будет связана преимущественно с поисками альтернативных по отношению к пакистанскому транзиту путей транспортировки грузов для операций США/НАТО в Афганистане. Однако уже осенью 2019 года в Нур-Султане состоялась встреча помощника госсекретаря США Дэвида Хейла с главами МИД Казахстана, Узбекистана, Киргизии, Таджикистана и Туркменистана, на которой было продекларировано желание Вашингтона придать новый импульс формату «Центральная Азия плюс США» и оживить сотрудничество.

Европейский Союз в последние несколько десятков лет выстраивал, наверное, наиболее разнообразные связи с государствами Центральной Азии – помимо чисто экономических, также образовательные, культурные, в области защиты прав человека и др. В настоящее же время большинство подобных проектов, включая деятельность по содействию демократизации и политическому плюрализму, сокращается, а фокус взаимодействия смещается в сферу экономических проектов. Как признаётся в докладе Генерального директората Европарламента по вопросам внешней политики, Европейский Союз на сегодняшний день в Центральной Азии является игроком с наименьшим влиянием. В этих условиях организации необходимо сконцентрироваться на конкретных проектах – главным образом инвестиционных и экономических. В фокусе мягкой силы ЕС остаются Киргизия и Туркменистан, где организация реализует свою мягкую силу пока главным образом в сфере культуры и образования.

Россия, несмотря на растущую конкуренцию, по-прежнему сохраняет в Центральной Азии достаточно прочные позиции. Не секрет, что осуществляется это, в первую очередь, за счет ресурсов «жесткого влияния» в рамках экономического взаимодействия, а также совместного решения проблем безопасности,

борьбы против международного терроризма, незаконного распространения наркотиков и других нетрадиционных угроз. Существенную роль также играет деятельность и позиция России в таких структурах, как СНГ, ОДКБ, ЕАЭС, ШОС и Организации центрально-азиатского сотрудничества. Благоприятствует сближению и созданная в последние десятилетия система научно-технических, культурных и образовательных связей, обладающих существенным потенциалом мягкой силы. Стоит также отметить, что знание русского языка (на разном уровне) в Казахстане составляет 84 %, Узбекистане – порядка 41 %, Киргизии – 49 %, Таджикистане – 41 %, что облегчает взаимодействие во всех сферах (Боришполец, 2014, с. 63). Отдельно необходимо сказать о произошедшем в 2018 году сближении с Узбекистаном, которое с течением времени может перерасти в неформальное объединение.

Относительно внутренних для стран Центральной Азии факторов, благоприятствующих или препятствующих формированию их общей исторической памяти со странами, конкурирующими в данном регионе за влияние, можно сказать следующее. Этнически почти все страны Центральной Азии близки: их жители, за исключением персоязычных таджиков тюркского происхождения, исповедуют ислам. Необходимо подчеркнуть, что в историко-культурном смысле взаимодействие народов, населявших Центральную Азию, с Китаем и арабским миром началось гораздо раньше, нежели с Россией. Так, китайское проникновение на эти территории началось еще во втором веке до нашей эры и длилось вплоть до седьмого. В это время китайская империя оставалась здесь единственным «внешним игроком». Общение народов Центральной Азии с Китаем оставило заметный след в хозяйственной и культурной жизни центрально-азиатских кочевников: народы региона впервые узнали о разведении шелковичного червя и изготовлении шелка, а также бумаги. Взаимодействие с Китаем также способствовало становлению более совершенных форм государственности.

В 751 г. произошло столкновение Китая и Арабского халифата за преобладание в Центральной Азии, которое закончилось поражением Китая, и контроль над Великим шелковым путем окончательно перешел в руки арабов. Главным последствием арабских завоеваний стало распространение ислама в Центральной Азии, который уже к десятому веку превратился в доминирующую религию. Влияние арабской (мусульманской) культуры подняло на более высокий уровень науку, искусство, образование центрально-азиатских квази-государственных образований того времени. С середины тринадцатого века вся Центральная Азия стала частью Монгольской империи, в составе которой регион находился почти триста лет.

Экспансия Российской Империи в Центральной Азии началась только в девятнадцатом веке, в течение которого данная территория постепенно превратилась в ее часть. Первый же опыт модернизации центрально-азиатских стран связан с советским периодом. Именно в составе СССР были впервые четко определены их нынешние государственные границы, созданы структурированные политические и хозяйственные системы управления, сформированы экономика, культура, образование. Постепенно русский язык приобрел здесь статус языка межнационального общения. Описанный период стал для народов Центральной Азии временем безопасности, мира и внутренней стабильности. Позднее активно происходившие в постсоветских центрально-азиатских госу-

дарствах процессы национализации привели к пересмотру Советского периода, общей истории, роли русского языка.

В период Перестройки в государствах Центральной Азии начали одновременно протекать противоположные процессы – параллельно с закреплением традиций государственности шел обратный процесс ретрадиционализации обществ, находившихся под воздействием ислама. Несмотря на устоявшиеся элементы светского государства, ислам начинал оказывать существенное влияние на строительство национальных государств, а также на особенности и формирование национального сознания и национальной идентичности. В наименьшей степени данным процессам оказались подвержены Казахстан и Туркменистан. При этом репрессии, политический застой и коррупция в странах Центральной Азии формировали благоприятную почву для развития как для мирных, так и радикальных исламских настроений и движений. Данные тенденции благоприятствовали увеличению культурного и идеологического влияния не только мусульманских стран, но иногда и стран Запада. Именно в данном контексте развивалась идея транспортного коридора «Новый шелковый путь» между Центральной и Южной Азией, а также многочисленные концепции Вашингтона формата «Большой Центральной Азии» и «Большого Ближнего Востока», суть которых состояла в рассмотрении пяти бывших советских республик как органичной части мусульманского мира. Москвой такие проекты рассматривались однозначно – как попытки вывести регион из-под влияния России.

Теперь рассмотрим более подробно взаимодействие политических элит Центрально-Азиатских государств с элитами государств-конкурентов за влияние в Центральной Азии. В целом, для политических элит всех государств региона характерно разделение на клановые группировки по территориальному или родовому признаку, практически полное сосредоточение власти в руках главы государства и доминирование правящего клана над остальными группировками во всех общественных сферах, рекрутирование политических элит по принципу «патрон-клиент».

Что касается Казахстана, его географическая близость к России, большая доля русских (почти половина населения – к началу Перестройки), владение русским большинством населения страны, а также его статус языка межнационального общения, «встроенность» страны в российскую Евразию еще со времен Советского союза во многом определили процесс формирования казахских элит на постсоветском пространстве. Необходимо подчеркнуть, что именно советское прошлое сыграло в случае Казахстана решающую роль в данном процессе. Так, с момента обретения Казахстаном независимости в 1991 г. в республике доминирует Старший жуз, главой которого является экс-президент Казахстана Нурсултан Назарбаев. Именно Назарбаев до своего избрания на пост президента был Первым Секретарем ЦК Коммунистической Партии Казахстана. После его избрания на пост президента Назарбаев окружил себя представителями своего жуза, назначив их на высшие государственные должности и максимально ослабив влияние основного политического конкурента – Среднего жуза. Таким образом, советские партийные структуры достаточно плавно трансформировались в авторитарный государственный аппарат постсоветского Казахстана, а его элиты из числа бывшей партийной номенклатуры сохранили тесные связи с Россией. В настоящее время Казахстан следует политике многовекторности, ориентируясь

одновременно на Россию, Китай и государства Запада, что отражается, например, в концепции «трехязычия». Однако влияние России на политическую элиту Казахстана по-прежнему преобладает, что влияет и на отношение в государстве к общему советскому прошлому.

Китай, как и Россия, напрямую граничит с Казахстаном, а значит заинтересован в стабильности существующего политического режима и высоком уровне безопасности в государстве. При этом после Перестройки, в отличие от России, Китай имел близкое к нулю влияние на политическую и экономическую жизнь центрально-азиатских государств посредством личных и групповых контактов, через социальные связи с элитарными группами. Китай и сегодня не имеет возможности опереться на социальные связи элит. Поэтому он идет по пути усиления своего влияния через инвестиционные возможности. Ощутимого влияния других стран-конкурентов России в Казахстане также не наблюдается.

Характерной чертой Таджикистана является нестабильность политического процесса в государстве. После окончания Гражданской войны в 1997 г. власть постепенно сконцентрировалась в руках победителей, которыми стали выходцы из Кулябского клана и их союзники во главе с нынешним Президентом страны – Эмомали Рахмоном. До своего избрания Президентом Рахмон был председателем Верховного Совета Республики Таджикистан. Таким образом, в случае Таджикистана мы также видим преемственность властных структур по отношению к Советскому Союзу и авторитарный характер данных структур. Приверженность традиционному для государства занятию, земледелию, обусловила сохранение в регионе патриархального уклада. В том числе поэтому Кулябский клан выступил за сохранение советских порядков после распада СССР – Советский Союз на протяжении всего существования поддерживал колхозную систему Кулябской группировки. Однако межклановые разногласия в государстве по-прежнему сильны, что существенно влияет на политическую ситуацию в республике. При этом оппозиционные силы в Таджикистане зачастую идеологически опираются именно на ислам. Уже в начале 1990-х годов мусульмане в Таджикистане начали политически организовываться и формировать свои общественные и политические организации. Рост мусульманского самосознания по сей день вынуждает большинство политических партий, включая Коммунистическую, учитывать исламский фактор в своих политических программах. В настоящее время государством проводится жесткая политика по формированию светского характера государства и подчинению ислама светской власти. В связи с вышесказанным скорее позитивное отношение к общему с Россией прошлому транслируется властью и разделяется общественностью.

В Узбекистане структуры компартии после распада СССР без каких-либо реформ выполняли задачи идейно-политического обслуживания президентской власти. Наряду с вышеупомянутыми государствами, Республике Узбекистан так же присущ феномен клановости. В годы советского правления доминирующая роль принадлежала Ташкентскому клану за счет развитости экономики в регионе его присутствия, а также Самаркандскому клану ввиду поддержки Москвы. В настоящее время политические элиты государства также представлены этими двумя кланами, причем Самаркандский играет ключевую роль. Таким образом, мы снова видим преемственность во взаимоотношениях с Россией.

При том что ислам исповедует почти 90% населения, Узбекистан сумел создать в стране уникальный религиозный баланс. Несмотря на то, что мусульманские традиции достаточно глубоки, государство является светским. При этом существенную опасность для Узбекистана и всего Центрально-Азиатского региона представляет террористическая организация Исламское движение Узбекистана (ИДУ), с 2002 г. называемая «Исламское движение Туркестана»¹. В британской газете «Financial Times» был отмечен долгосрочный характер угрозы со стороны ИДУ и связь этой структуры с «Аль-Каидой»² и пакистанской террористической группой «Лашкар-э-Тайба»³ (подробнее см. Гусев, 2018, с. 129). Вероятно, в связи с этим узбекские власти так настойчиво акцентируют светский характер государства.

С начала Перестройки Туркменистан всячески пытался и пытается ограничить связи с внешним миром, о чем свидетельствует, например, принятие резолюции на уровне Организации Объединённых Наций о статусе постоянного нейтралитета Туркменистана. В постсоветский период между Туркменистаном и Российской Федерацией начали устанавливаться не только военно-политические, но и экономические контакты, связанные, в первую очередь, со строительством Каспийского газопровода, так как Москва являлась основным потребителем туркменского газа. Благодаря строительству этого газопровода Москва стремилась, в том числе, максимально связать с собой и поставить под собственный контроль потоки всего добываемого в центральноазиатском регионе газа, отрезав Ашхабад и Астану от платёжеспособных стран Европейского союза. Однако интерес США и ЕС к туркменскому газу до настоящего момента не снизился, и между странами идет активное взаимодействие в данной сфере, а также иных областях – культурной, образовательной, медийной и др. Также активно развивается взаимодействие, в том числе культурное, со странами Ближнего Востока – Саудовской Аравией, Катаром, Кувейтом, ОАЭ. При этом подчеркиваются, особенно это касается Катара, исторические корни взаимоотношений и общие духовно-культурные ценности. Что касается политических элит, нельзя сказать, что влияние как России, так и ее конкурентов на них является существенным.

В Киргизии разделение на кланы по принципу «Север-Юг» происходит со времен советского правления, когда в 1926 г. была создана Киргизская АССР. При этом разные президенты Киргизии принадлежали к разным кланам, что говорит о нестабильности политической ситуации в государстве. Внешнюю политику Киргизии на протяжении ее развития в постсоветский период можно рассматривать как максимально многовекторную. На континентальном уровне она направлена на выработку мер доверия и формирование многопланового и взаимовыгодного сотрудничества с основными центрами международной политики континента – Россией, КНР, ЕС, Японией, Индией, Турцией. Большинство из перечисленных государств заинтересованы в стране, в первую очередь, как поставщике углеводородов. США долгое время играли значительную роль в развитии Киргизии, в том числе, политическом. После длительного периода

¹ Организация запрещена в РФ.

² Организация запрещена в РФ.

³ Организация запрещена в РФ.

охлаждения отношений в 2018 году началось постепенное восстановление. В настоящее время отношения США и Киргизии развиваются в таких областях сотрудничества, как безопасность, экономическое развитие, культурные обмены, развитие гражданского общества, здравоохранение, образование. Также примечательно взаимодействие Киргизии и Турции в сфере образования. Однако стоит принять во внимание некоторое охлаждение отношений Турции и Киргизии в последние несколько лет. Экономика КР теснейшим образом зависит от сохранения конструктивных отношений с РФ. Россия – второй после Китая торгово-экономический партнер Киргизии, важными сферами взаимодействия стран являются энергетика и безопасность.

При этом новой тенденцией является рост роли ислама в государстве. В феврале 2019 г. в Киргизии Научно-исследовательский институт исламоведения обнародовал итоги проведенного опроса среди граждан Киргизии на тему «уязвимость и устойчивость людей в Киргизии к радикализации и экстремизму», согласно которому 34% молодежи республики выступает за изменения формы государственного управления и переход к исламской форме правления по законам шариата (Сагындык кызы, 2019). Данные результаты подтверждают рост интереса к исламу, особенно у молодежи. При этом в настоящее время именно молодежь в Киргизии больше всего подвергается вербовке со стороны радикальных группировок, преимущественно через социальные сети. Стоит добавить, что из всех государств Центральной Азии только в Киргизии был открыт филиал общественного объединения «Всемирная ассамблея исламской молодежи», финансирующей строительство школ и мечетей. Данная организация была создана в 1972 г. по инициативе короля Саудовской Аравии. В целом же в Киргизии действуют 102 медресе, 7 исламских институтов и один исламский университет. Центры всех 42-х существующих в Киргизии течений христианских и буддистских религий находятся в США, а мусульманских – в монархических государствах Ближнего Востока и в Турции. Из всех государств Центральной Азии именно в Киргизии в последнее время прослеживается переосмысление отношения действующих властей к исламу. Сегодня власти светской Киргизии видят в распространении и доминировании ислама широкие национальные перспективы. Таким образом, политические элиты Киргизии подвергаются воздействию со стороны элит сразу нескольких государств. При этом растет потенциал влияния со стороны государств ислама.

Что касается изменения роли ислама в Центральной Азии в целом, она связана с увеличением, в сравнении с 90-ми годами XX века, представителей «титальной нации» в этническом составе населения. При этом нередко исламисты придерживаются позиции, что модель исламского государства будет лучше, чем действующие авторитарные режимы, справляться с обеспечением равенства всех граждан перед законом, а также социального равенства. В первые годы независимости ислам в странах Центральной Азии носил преимущественно социологический характер. Ситуация стала меняться с появлением соответствующей литературы и проповедников из Саудовской Аравии, Ирана и Пакистана, что придало ему политические черты. В настоящее же время существует угроза распространения радикального ислама, центром которого в Центральной Азии является Ферганская долина, где стыкуются границы трех Центрально-Азиатских республик – Узбекистана, Таджикистана и Киргизии.

Таким образом, на наш взгляд, наибольшими ресурсами общей исторической памяти в Центрально-Азиатском регионе на сегодняшний день располагают мусульманские страны и Россия. При этом приходится признать, что общее историческое прошлое в рамках СССР начинает естественно или осознанно забываться, либо трактоваться в негативном ключе, тогда как историко-мифологический контекст, объединяющий мусульманские государства, приобретает все большую актуальность. Существенным преимуществом мусульманского историко-мифологического дискурса является то, что он обладает пользующимся популярностью нарративом, тогда как советский нарратив постепенно теряет актуальность, а нового пока не сформировано. Однако рассмотрим, какие аспекты советского и досоветского исторического нарратива еще не потеряли свою актуальность или могут быть успешно реанимированы.

Стоит понимать, что во всех без исключения государствах постсоветской Центральной Азии политика памяти выполняет, в первую очередь, функции нациестроительства. Наиболее востребованными в данном контексте являются идеи о древности и автохтонности народа, его уникальной культуре, великих предках и могущественных врагах, в борьбе с которыми формировалась нация. При этом новый национальный дискурс, как правило, противопоставляется истории в составе СССР, а в ряде случаев и Российской Империи, рассматриваемой преимущественно в мрачных тонах и категориях травмы и борьбы.

Основные положения политики памяти содержатся в соответствующих официальных документах, во всех государствах Центральной Азии существуют структуры, ответственные за исследование и формирование исторической памяти. Это такие организации, как Институт истории государства в Казахстане, Каракалпакский НИИ гуманитарных наук в Узбекистане, Институт истории и культурного наследия Национальной академии наук в Киргизии, Институт истории, археологии и этнографии им. А. Дониша в Таджикистане и др. Также значимыми инструментами внедрения новой политики исторической памяти являются музеи, учебники, изображения на деньгах, марках. Наиболее важные памятные события отмечаются как государственные праздники.

В рамках характерной для всех посткоммунистических стран декоммунизации происходило увековечивание памяти жертв коммунистического режима. Так, во всех пяти рассматриваемых странах были установлены памятники жертвам политических репрессий, созданы музеи, такие как, например, музейно-мемориальный комплекс жертв политических репрессий и тоталитаризма, открытый 31 мая 2007 года на месте Акмолинского лагеря жен изменников родины («АЛЖИР»), где содержалось более 18 тысяч женщин. В Узбекистане была определена соответствующая мемориальная дата – 31 августа – «День памяти жертв репрессий». В то же время памятники Ленину и русским большевикам перемещаются в специально отведенные места на периферии, названные в честь большевиков улицы переименовываются.

Значение памятных дат также претерпевает существенные изменения. Так, в Киргизии праздник советской эпохи – день Октябрьской революции – был трансформирован в праздник под названием «Дни истории и памяти предков». Некоторые даты подчеркивают негативный характер взаимодействия с Россией в ходе истории. Так, с 1991 года в Туркменистане 12 января отмечается как общенациональный день памяти, связанный с падением Геоктепинской крепо-

сти в результате осады царских войск под командованием М.Д. Скобелева. При этом на месте остатков крепости был сооружен мемориальный комплекс, включающий реконструкцию крепостной стены, музей Сапармурат-хаджи и мечеть. В национальном музее события, разворачивающиеся вокруг взятия крепости, представлены как драма туркменского народа с массовой гибелью женщин, детей, стариков. Значимым шагом также стал перенос русского кладбища и снос установленного на нем памятника в виде креста.

Как показало исследование российских ученых «Освещение общей истории России и народов постсоветских стран в школьных учебниках истории новых независимых государств» (2009), общей чертой школьных учебников новых национальных государств Центральной Азии является стремление представить контакты с русскими и Россией как источник бедствий. При этом деятельность по созданию учебника истории Союзного государства началась только в недавнее время.

Однако неверно утверждать о полном нивелировании или демонизации совместного прошлого России и стран Центральной Азии. Например, в Казахстане обвинения в принудительной русификации казахов и в других «имперских грехах» уживаются с признанием существенной модернизационной роли СССР в судьбе государства. Также в историографии современной Киргизии акцентируется, что киргизы добровольно искали покровительства Российской Империи в 18–19 веках. В этом смысле показательным является празднование в современной Киргизии 90 лет со дня образования Киргизской АССР и 80 лет Киргизской ССР. В Таджикистане же, в целом, нахождение в составе СССР воспринимается не в категориях доминирования, а, напротив, в терминах защиты таджикской культуры, языка и государственности, что усиливается стержневым характером распространенной в государстве арийской идеи.

Учитывая противоречивый характер восприятия общего Советского и до-советского прошлого в современных государствах Центральной Азии, последнее не может быть надежным источником российской мягкой силы. Исключения могут составлять отдельные события, факты и идеи. Так, во всех странах Евразийского экономического союза День Победы по-прежнему сохраняет свое значение. Несмотря на события вокруг георгиевской ленточки, данная дата пока еще воспринимается в контексте общего советского прошлого и обладает сплачивающим потенциалом. Для его максимального раскрытия, на наш взгляд, необходимо акцентировать внимание на том, что итоги Великой Отечественной войны укрепили международно-правовой статус современных независимых государств, а сама война способствовала экономическому и культурному развитию региона. При этом сами центрально-азиатские государства сыграли важную роль в Победе, а также внесли существенный вклад в экономику СССР. К примеру, Казахстан за годы войны дал 90 % общесоюзной выплавки меди, 85 % свинца, 60 % марганцевой руды.

Также новое, современное прочтение может получить сформулированная в СССР идея дружбы народов. Данная идея могла бы нивелировать распространенный сегодня в странах Центральной Азии негативный образ завоевателя, движимого имперскими амбициями. Здесь стоит вспомнить о принятии большевиками в 1917 году Декларации прав народов России с «правом на свободное самоопределение вплоть до отделения». При этом в рамках официального

властного дискурса, связанного с вопросами ЕАЭС, данная идея развивается – подчеркивается невмешательство России во внутреннюю политику стран Центральной Азии и уважение их суверенитета при стремлении к поддержке в экономическом и социальном развитии. Кроме того, даже ситуация «постимперского» существования не означает полную невозможность построения дружественных взаимоотношений между бывшей метрополией и ее колониями. В качестве примеров можно назвать такие организации, как «Содружество наций» под эгидой Британии или «Международная организация Франкофонии».

Однако наибольший потенциал формирования общей позитивной исторической памяти нам видится в непрямом воздействии через сферы образования, науки и культуры. В настоящее время в этом процессе существенную роль играет деятельность таких организаций, как «Россотрудничество», фонд «Русский Мир», фонд Горчакова и др., также активны МИД РФ и Министерство культуры, российские посольства. Во всех странах Центральной Азии данными организациями проводятся многочисленные культурные мероприятия, большинство из которых имеют ежегодный характер. Это такие мероприятия, как «Дни России», фестивали русского языка и культуры, фестивали-конкурсы песен, недели российского кино, художественные и фотовыставки. На наш взгляд, значимые аспекты общей истории наиболее эффективно могут быть представлены и восприняты в художественных формах. Особенно это касается такого формата, как кино. Не в последнюю очередь потому, что подобные форматы пользуются наибольшей популярностью в молодежной среде, воздействие на которую для вышеуказанных организаций является наиболее проблемным в силу традиционности и недостаточной креативности их деятельности. Не стоит забывать, что на постсоветском пространстве по-прежнему сохраняет популярность российская массовая культура – от кинематографа и телевидения до беллетристики. При этом в сфере кинематографа и телевидения России начинают составлять конкуренцию такие страны, как Индия, которая также с недавних пор претендует на влияние в регионе.

«Россотрудничество» активно продвигает российское образование и научные достижения. Представительство Агентства ежегодно поддерживает участие российских университетов в образовательных выставках и стремится установить партнерские отношения с ведущими учебными заведениями и исследовательскими центрами в Казахстане. В целом система академических обменов между Россией и государствами Центральной Азии хорошо отлажена, большинство абитуриентов, желающих обучаться за рубежом, пока еще отдают предпочтение России, а российское образование считается престижным и повышает шансы на последующее трудоустройство. Таким образом, формирование дискуссий вокруг общей истории и исторической памяти в рамках академического и научного сообщества может оказаться достаточно эффективным с точки зрения реабилитации совместного исторического прошлого стран Центральной Азии и России.

Несколько иначе обстоит дело с активизацией сотрудничества между различными НПО, фондами, ассоциациями и другими учреждениями. При наличии у данного инструмента значительного потенциала традиционно-бюрократический подход существенно снижает эффективность принимаемых Россией мер и отличает российский подход от аналогичных проектов

западных коллег. Сегодня в странах региона действуют небольшие, но многочисленные западные НПО, реализующие конкретные, точечные проекты – причем приоритетным направлением их работы являются именно молодежные коммуникации. Стоит отметить ежегодную школу молодых специалистов из Центральной Азии и программу «Безопасность в Евразии», включающую лекции и мастер-классы по геополитике, экономике, безопасности и информационным технологиям, организуемые Российским Фондом Горчакова. Однако число подобных российских проектов, направленных на молодежь, по-прежнему невелико и существенно уступает количеству подобных западных инициатив.

Заключение

Россия по-прежнему сохраняет роль одного из ключевых партнеров государств Центральной Азии, однако конкуренция со стороны других активных в регионе игроков постепенно возрастает. Позиции всех стран-конкурентов в центрально-азиатском регионе в наибольшей степени пока определяются «жесткой силой» – возможностями экономической и силовой поддержки. Однако мягкая сила также играет значительную роль, особенно в сфере конкуренции за образовательных и трудовых мигрантов. В этой области действуют такие элементы *soft power*, как образование, культура и общественная дипломатия. Что касается исторической памяти и политики памяти, существенным потенциалом мягкой силы в этой сфере обладают только Россия и страны, в которых наиболее распространённой религией является ислам (Турция, Саудовская Аравия, Катар и др.). При этом в ряде стран (Киргизия, Узбекистан) это является существенным преимуществом, т. к. ислам начинает играть все большую роль в их общественно-политической жизни. Для России политика памяти не может стать одним из ключевых элементов мягкой силы в Центральной Азии. Однако, несмотря на неоднозначное и нередко негативное восприятие в государствах Центральной Азии общего с Россией прошлого, потенциал реабилитации исторического прошлого существует. Формирование позитивного отношения к нему возможно посредством непрямого воздействия – через культуру и искусство, сферу науки и образования, общественную дипломатию.

Список литературы

1. Алексеенкова, Е.С. (2017). *Сравнительный анализ деятельности созданных в Центральной Азии форматов «5+1» (с участием США, Южной Кореи, Японии и ЕС)*. Взято 5 мая 2019, с <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/sravnitelnyy-analiz-deyatelnosti-sozdannykh-v-tsentralnoy-azii-formatov-5-1-s-uchastiem-ssha-yuzhnoy/>
2. Ассман, Я. (2004) *Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности*. М.: Языки славянской культуры.
3. Боришполец, К.П. (2014). Русский язык в центрально-азиатском регионе. *Вестник МГИМО Университета*, 2(35), 63–70.

4. Гусев, Л. Ю. (2018). Борьба с терроризмом и экстремизмом в странах Центральной Азии и Афганистане. Роль ОДКБ. *Россия и новые государства Евразии*, 1, 126–133. doi: 10.20542/2073-4786-2018-1-126-133
5. Данилов, А. А., Филиппов, А. В. (Ред.). (2009). *Освещение общей истории России и народов постсоветских стран в школьных учебниках истории новых независимых государств*. Москва.
6. Коротецкая, Л. В. (2018). *Социальная память: социологический анализ дискурса прошлого в немецком самосознании* [Диссертация на соискание ученой степени кандидата социологических наук, МГИМО Университет]. Электронный архив МГИМО Университета. https://mgimo.ru/science/diss/korotetskaya-lv.php?sphrase_id=12729352
7. Мухаев, Р. Т. (2000). *Политология: учебник для студентов юридических и гуманитарных факультетов*. М.: Издательство «ПРИОР».
8. Осадчая, Г. И. (2019). Реконструкция общей исторической памяти населения стран Евразийского экономического союза. *Научно-образовательное издание «Социально-гуманитарные знания»*, 3, 100–112.
9. Русакова, О. Ф., Кочнева, Е. Д. (2017). Оценки Октябрьской революции в официальном дискурсе политики памяти. *Научный журнал «Дискурс-Пи»*, 3–4(28–29), 17–30. doi: 10.17506/dipi.2017.2829.34.1730
10. Сагындык кызы, Элеонора (2019, 12 февраля). Третью кыргызстанской молодежи поддерживает жизнь по шариату. *Кыргызская служба Би-Би-Си*. Взято 7 мая 2019, с https://www.gezitter.org/society/76748_tret_kyrgyzstanskoy_molodeji_podderjivaet_jizn_po_shariatu/
11. Bernhard, M., & Kubik, J. (Eds.). (2014). *Twenty Years After Communism: The Politics of Memory and Commemoration*. Oxford: University Press.
12. Gensburger, S. (2016). Halbwachs' Studies in Collective Memory: A Founding Text for Contemporary 'Memory Studies'. *Journal of Classical Sociology*, 16(4), 396–413. doi: 10.1177/1468795X16656268
13. Lock, E. (2009). Soft power and strategy: developing a “strategic” conception of power. In Parmar, I., & Cox, M. (Eds.). *Soft Power and US Foreign Policy: Theoretical, Historical, and Contemporary Perspectives* (pp. 32–50). Abingdon, Oxon: Routledge.
14. McClory, J. (2019, 2 октября). *Soft Power 30: A Global Ranking of Soft Power*, London: Portland, USC Center on Public Diplomacy. Взято 1 мая 2019, с <https://softpower30.com/wp-content/uploads/2019/10/The-Soft-Power-30-Report-2019-1.pdf>
15. Nye, J (2004). *Soft Power. The means to success in World Politics*. New York: Public Affairs.
16. Patalakh, A. (2016). Assessment of Soft Power Strategies: Towards an Aggregative Analytical Model for Country-Focused Case Study Research. *CIRR*, 22(76), 85–112. doi: 10.1515/cirr-2016-0007
17. Vyas, U. (2011). *Soft Power in Japan-China Relations: State, Sub-State, and Non-State Relations*. Abingdon, Oxon: Routledge.
18. Welsh, H. (1996). Dealing with the Communist Past: Central and East European Experiences after 1990. *Europe-Asia Studies*, 48, 419–428. doi: 10.1080/09668139608412356

References

1. Alekseenkova, E.S. (2017). *Sravnitelny janaliz deyatelnosti sozdannyh v Centralnoj Azii formatov "5+1" (s uchastiem SSHA, Yuzhnoj Korei, Yaponii i ES)* [Comparative analysis of the "5+1" formats created in Central Asia (with the participation of the USA, South Korea, Japan and the EU)]. Retrieved from <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/sravnitelnyy-analiz-deyatelnosti-sozdannykh-v-tsentralnoy-azii-formatov-5-1-s-uchastiem-ssha-yuzhnoy/>
2. Assmann, J. (2004). *Kulturnaya pamyat. Pismo, pamyat o proshlom i politicheskaya identichnost v vysokih kulturah drevnosti* [Cultural memory. Writing, memory of the past, and political identity in the high cultures of antiquity]. Moscow: Yazyki slavyanskoj kultury.
3. Bernhard, M., & Kubik, J. (Eds.). (2014). *Twenty Years After Communism: The Politics of Memory and Commemoration*. Oxford: University Press.
4. Borishpolets, K.P. (2014). Russkij yazyk v centralno-aziatskom regione [Russian in the Central Asian region]. *Vestnik MGIMO Universiteta*, 2(35), 63–70.
5. Danilov, A.A., & Phillipov, A.V. (Eds.). (2009). *Osveshchenie obshchei istorii Rossii i narodov postsovetskih stran v shkolnyh uchebnikah istorii novyh nezavisimyh gosudarstv* [Coverage of the general history of Russia and the peoples of the post-Soviet countries in school textbooks on the history of the newly independent States]. Moscow.
6. Gensburger, S. (2016). Halbwachs' Studies in Collective Memory: A Founding Text for Contemporary 'Memory Studies'. *Journal of Classical Sociology*, 16(4), 396–413. doi: 10.1177/1468795X16656268
7. Gusev, L.U. (2018). Bor'ba s terrorizmom i ekstremizmom v stranah Central'noj Azii i Afganistane. Rol' ODKB [The fight against terrorism and extremism in the countries of Central Asia and Afghanistan. Role of the CSTO]. *Rossiya i novye gosudarstva Evrazii*, 1, 126–133. doi: 10.20542/2073-4786-2018-1-126-133
8. Korotetskaya, L.V. (2018). *Socialnaya pamyat: sociologicheskij analiz diskursa proshlogo v nemeckom samosoznanii* [Social memory: a sociological analysis of the discourse of the past in German self-consciousness] [PhD Dissertation, MGIMO University]. Electronic scientific archive of MGIMO University. https://mgimo.ru/science/diss/korotetskaya-lv.php?sphrase_id=12729352
9. Lock, E. (2009). Soft power and strategy: developing a "strategic" conception of power. In Parmar, I., & Cox, M. (Eds.). *Soft Power and US Foreign Policy: Theoretical, Historical, and Contemporary Perspectives* (pp. 32–50). Abingdon, Oxon: Routledge.
10. McClory, J. (2019, October 2). *Soft Power 30: A Global Ranking of Soft Power, London: Portland, USC Center on Public Diplomacy*. Retrieved May 1, 2019, from <https://softpower30.com/wp-content/uploads/2019/10/The-Soft-Power-30-Report-2019-1.pdf>
11. Muhaev, R.T. (2000). *Politologiya: uchebnik dlya studentov yuridicheskikh i gumanitarnykh fakultetov* [Political science: the textbook for students of law and humanities faculties]. Moscow: Publishing house «PRIOR».
12. Nye, J (2004). *Soft Power. The means to success in World Politics*. New York: Public Affairs.

13. Osadchaya, G.I. (2019). Rekonstrukciya obshchej istoricheskoy pamyati naseleniya stran Evrazijskogo ekonomicheskogo soyuza [Reconstruction of the common historical memory of the population of the countries of the Eurasian economic Union]. *Nauchno-obrazovatelnoe izdanie "Socialno-gumanitarnye znaniya"*, 3, 100–112.
14. Rusakova, O.F., Kochneva, E.D. (2017). Ocenki Oktyabrskoj revolyucii v oficialnom diskurse politiki pamyati [Evaluations of the October Revolution in the official discourse of the politics of memory]. *Scientific Journal "Discourse-P"*, 3–4(28–29), 17–30. doi: 10.17506/dipi.2017.2829.34.1730
15. Sagyndyk kyzy, Eleonora. (2019, February 12). Tret' Kyrgyzstanskoj molodezhi podderzhivaet zhizn' po shariatu [A third of Kyrgyz youth support Sharia life]. *Kyrgyz service of BBC*. Retrieved May 7, 2019, from https://www.gezitter.org/society/76748_tret_kyrgyzstanskoy_molodeji_podderjivaet_jizn_po_shariatu/
16. Patalakh, A. (2016). Assessment of Soft Power Strategies: Towards an Aggregative Analytical Model for Country-Focused Case Study Research. *CIRR*, 22(76), 85–112. doi: 10.1515/cirr-2016-0007
17. Vyas, U. (2011). *Soft Power in Japan-China Relations: State, Sub-State, and Non-State Relations*. Abingdon, Oxon: Routledge.
18. Welsh, H. (1996). Dealing with the Communist Past: Central and East European Experiences after 1990. *Europe-Asia Studies*, 48, 419–428. doi: 10.1080/09668139608412356